

О.И. ШКАРАТАН

СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА, ОБРАЩЕННАЯ В ПРОШЛОЕ (Часть 2)¹

DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3032

Аннотация. Общественное устройство современной России рассматривается нами как продолжение существовавшего в СССР социально-экономического порядка, исторические корни которого уходят в многовековое прошлое страны – носительницы евразийской православной цивилизации. Анализируются различные этапы ее развития, начиная с XIII века и заканчивая современностью. В итоге показано, что крах коммунистической системы в России означал переход евразийской цивилизации на новый этап ее эволюции, каковым является неоэтакратический социально-экономический порядок и классический авторитаризм.

К 1917 году европейская линия в развитии России еще не победила. Ключевым здесь было то обстоятельство, что для большинства россиян частная собственность не стала традицией. На этой основе стало возможным восстановление сословной системы, закрепощение сословий государством, формирование особого служилого слоя (номенклатуры) в СССР. То есть реализовала себя path dependence theory, воспроизведя в XX–XXI веках сословно-властные отношения, казалось бы, давно умершей средневековой Руси.

Шкаратан Овсей Ирмович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, Факультет экономических наук, Национальный университет «Высшая школа экономики». Адрес: 119049, Москва, ул. Шаболовка, д. 26, корп. 4, ком. 42346. Телефон: +7(495) 772-95-90. Электронная почта: ovsey@hse.ru

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «20 лет спустя. Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян (по материалам повторных представительных опросов. Январь 1994 г. – декабрь 2013 г.)», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

Часть 1 этой работы опубликована в предыдущем номере: Социологический журнал. 2015. Том. 21. № 3. С. 88–104. – *Прим. ред.*

Столетиями внутри крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия и Власть при условных правах собственности всех, кроме всевластного владыки (носившего в разные эпохи разные имена – князя, царя, императора, генерального секретаря, президента).

Природа сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы – этакратизм в новой фазе его развития, то есть – неоэтакратизм. Роль государства – по-прежнему определяющая, но не единственная, как это было в Советском Союзе, поскольку присутствует и частнособственническая рыночная компонента. В России сложилась дуалистическая социальная стратификация, сочетающая сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархии.

Ключевые слова: этакратизм, неоэтакратизм, сословная система, дуалистическая социальная стратификация, сословно-властные отношения, государственный способ производства, евразийская цивилизация.

Неоэтакратизм как социетальная система современной России

Внутри российской цивилизации и на ее основе постепенно сформировалась и развилась этакратическая (стейтистская) социетальная система (в советское время – квазисоциалистическая). При этой системе, – по мнению М. Кастельса, – «...контроль над экономическим излишком является внешним по отношению к экономической сфере: он находится в руках обладателей власти в государстве (назовем их аппаратчиками или, по-китайски, линг-дао). Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т. е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован на максимизацию власти, т. е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания» [23, с. 38].

Существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно именовать «европейским» и «азиатским». Первый тип идет от античного полиса, это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество – государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. В мировой истории, в общем-то, и пространственно, и во времени преобладал этот тип цивилизации. Именно в значительной части тех стран, где исторически доминиро-

вала эта вторая, не европейская линия развития, в XX веке установилась этакратизм.

И Б. Рассел (он, по-видимому, был первым) и М. Джилас и многие другие обращали внимание на сходство сущностных черт так называемого советского социализма и той системы, которую К. Маркс называл «азиатским способом производства», а современные нам исследователи предпочитают (и с полным на то основанием) именовать «государственным способом производства». Отсылаю в связи с этим к работам наших отечественных авторов [11, с. 13–48; 12; 39; 40, с. 57–77]. Сходство действительно обескураживающее.

Центральной характеристикой государственного способа производства, или в другой терминологии — восточного деспотизма, точно так же, как и советского и постсоветского этакратизма, являлись отношения «власть — собственность». Этот феномен открыт и проанализирован нашим блистательным востоковедом Л.С. Васильевым. Он отмечает, что речь идет о социально-экономическом строе, при котором типичная восточная община определяет макроструктуру государства. Основа восточной структуры — полное поглощение личности коллективом. Отдельный человек не становится собственником, он может быть лишь владельцем. Суть взаимоотношений между властью и собственностью всюду на Востоке (и добавим — в СССР) сводилась к тому, что все государственное первично, а частное вторично, к тому же опосредовано тем же государством. «Частная собственность превратилась в слугу государства, перестав быть его опасным соперником. Тем самым был внесен едва ли не решающий вклад в основную проблему традиционного Востока — в проблему взаимоотношений государства и общества» [11, с. 486]. Верховным собственником, прежде всего земли, и высшей абсолютной властью над подданными является государство, которое становится деспотией, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства. Детальный анализ отношений «власть — собственность» содержится в цикле публикаций Р.М. Нурева, которому принадлежит подробный институциональный анализ этого феномена. По его мнению: «Власть-собственность возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии» [41, с. 12; см. также: 20; 48; 49; 69].

«Политические революции» Солона, ставленника греческого демоса, ликвидировавшие долговое рабство и установившие политические права по имущественному цензу, открыли дорогу для утверждения частной собственности в качестве экономической основы общества. Это исключительное историческое значение реформы Солона не случайно было подробно проанализировано Ф. Энгельсом в его работе

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» [72]. Однако подобный переворот, проложивший путь отношениям античного (рабовладельческого) способа производства и пришедшим ему на смену феодальному строю и капитализму, не носил универсального характера. Во многих обществах развитие происходило совершенно иным путем. В прошлом человечества доминировали социумы, основанные на государственной собственности, о которых шла речь выше.

Столетия существования этакратического общества (строившегося на отношении власть — собственность), с одной стороны, были торжеством воспроизводства «азиатских» исторических напластований, они во многом определили пути развития форм жизнедеятельности в княжеской, имперской, советской и современной России.

С другой стороны, возрастающая глобализация мировых экономических и общественных процессов, новые технологии производства и всей жизнедеятельности, лившиеся потоком с Запада и рождавшиеся на отечественной почве, развитие средств массовой коммуникации не могли не привести к присвоению нашим обществом новейших форм и достижений цивилизации (это касается организации городского пространства, транспорта, архитектурных решений, элементов социального обслуживания и др.). В то же время разрыв социально значимых горизонтальных связей, неразвитость инфраструктуры личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни, деприватизация практически всех сторон жизнедеятельности привели к воспроизводству «усредненных» индивидов. Другими словами, по крайней мере со времен Ивана III, то есть с XVI века, шел мучительный процесс расширения и укрепления базы европейской культуры, базы становления готовности к рынку и гражданскому обществу.

Исторически сложившиеся противоречивые тенденции развития страны объясняют, почему в России на собственной национальной почве, не привнесенный извне победил режим, сломивший становившееся в стране буржуазное, собственническое общество и приведший к торжеству этакратической (неоазиатской) линии развития в XX веке под видом «новой передовой общественной системы — «социализма». В основание этого порядка легло насильственное присвоение государством собственности. Эта же двойственность сложившихся тенденций развития страны помогает понять, почему большевизму пришлось прибегнуть к уничтожению десятков миллионов людей для «строительства социализма», а на деле ради торжества этатистской линии развития, отбросившей страну в ее далекое прошлое. Однако это не удалось выполнить в полной мере потому, что Россия по своему психолого-историческому положению гораздо ближе к Западу, чем, скажем, многие страны Азии.

Представляется, что данная концепция вполне согласуется с реальными фактами развития России и других государств на территории

бывшего СССР, за исключением стран Балтии, в имперский, советский и постсоветский периоды.

Существенным восполнением к изложенным позициям является институциональная теория хозяйственного развития России О.Э. Бессоновой [7]. Центральным является предположение, что наряду с рыночными экономическими системами в мире существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие собственные законы развития раздаточные экономики. В этой концепции прослеживается влияние выдающегося институционалиста Карла Поланьи (в частности, его концепции отношений редистрибуции) и отечественных авторов по проблемам азиатского способа производства.

Экономика России имеет природу раздаточной системы на протяжении всех циклов своей истории. Однако в каждом цикле (конец IX – XIII в., конец XIV – середина XIX в., 1920–1980 гг.) существовала своя форма воплощения раздаточной экономики. В «створе» между этими основными периодами русской истории существовали переходные периоды, во время которых получали распространение элементы, сходные с европейскими институтами того же времени, возникала частная собственность, распространялись товарно-денежные отношения. В основные же периоды господствует общественно-служебная собственность и сдаточно-раздаточные отношения. Поскольку «чистых» экономик не существует, на каждом этапе присутствовала определенная доля отношений из противоположной системы, то есть в рыночных – раздаточные, в раздаточных – рыночные. В длительные переходные периоды наблюдается жесткая конфронтация неформально существующей раздаточной среды и формально распространенной рыночной. В чередовании основных раздаточных и переходных квазирыночных периодов и выражается своеобразие траектории хозяйственного развития России как евразийской цивилизации.

Под раздаточной экономикой понимается экономическая система, которая обладает следующими признаками: собственность носит общественно-служебный характер; сигналы обратной связи передаются посредством института *административных жалоб*; механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков служит *система управления и финансовые институты*.

Фундаментальный принцип раздаточной экономики состоит в законе (механизме) сдач-раздач, предполагающем, что (1) любой раздаче сопутствует сдача, то есть это две стороны одного экономического отношения; (2) каждый субъект стремится к максимизации своей доли как разнице между полученными раздачами и произведенными сдачами; (3) на уровне общества существует стремление к балансированию потоков сдач-раздач.

Советская эпоха (1920–1980 гг.) отнесена Бессоновой к временам доминирования институтов раздаточной экономики.

В постсоветские годы в стране складывается институциональная основа «либеральной раздатки», когда ядро раздаточной экономики воплощается в либерально-экономические формы. К этим формам относятся договорная модель управления, бюджетное регулирование, хозяйственная независимость основных экономических объектов ограниченно встроеного института рыночной торговли и частного предпринимательства [7].

При всей осторожности в формулировании конечных выводов и Р.М. Нуреев, известный отечественный институционалист, в своих публикациях не мог не отметить, что в дореволюционной России существовал то ли азиатский способ производства как таковой, то ли феодализм с элементами восточного деспотизма. В любом случае имела место «мощная азиатская традиция, органически связанная с институтом власти – собственности» [42, с. 8].

В последующем Р.М. Нуреев провел всесторонний институциональный анализ этого феномена. По его мнению, власть – собственность как основание азиатского / государственного способа производства возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии [40; 43].

В работах историков России предпринимались попытки раскрыть предпосылки доминирования распределительных, а не рыночных отношений в развитии страны и особой роли государства в ее жизнедеятельности: постоянные внешние агрессии; неблагоприятные географические, природно-климатические, демографические условия. Как подчеркивал крупнейший отечественный историк С.М. Соловьев, Российское государство образовалось «...при самых невыгодных условиях, с громадной областью и малым народонаселением, нуждающееся в большой войне, заставляемое быть военным, хотя вовсе не воинственное, вовсе без завоевательных стремлений, имеющее в виду только постоянную защиту своей независимости и свободы своего народонаселения, государство бедное, земледельческое, и как только отношения в нем между частями народонаселения стали определяться по главным потребностям народной и государственной жизни, то оно и представило известное в подобных государствах явление: вооруженная часть народонаселения кормится непосредственно за счет невооруженной, владеет землею, на которой невооруженный человек является крепостным работником» [59, с. 20–21].

Очевидно, что в этом специфическом социально-экономическом порядке, каковым являлся и поныне является этакратизм, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия носят специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия и всевластие Власти.

Сущность этой сложившейся и воспроизводившейся столетия социетальной системы состояла во *всеобщности принципа обязательности службы* при условных правах собственности всех, кроме всевластного владыки (носившего в разные эпохи разное имя — князя, царя, императора, генерального секретаря, президента). «Именно в этих обстоятельствах мы найдем истинный ключ к успеху Московии, и в них же кроется повод предполагать, что, несмотря на невысокую экономическую эффективность, московские, а затем и российские правители, возможно, включая Владимира Путина, стали рассматривать эту систему как *sine qua non* своего выживания» [68, с. 184].

Так, на фундаментальном уровне в России трудно найти различия между «новой» формой современной (постсоветской) «рыночной» экономики и старым патримониальным обществом. Мы имеем здесь яркую иллюстрацию того факта, которым часто пренебрегают, когда история имеет значение. Как в свое время великие князья XIV–XV веков, патронировавшие своих бояр путем выдачи поместных земель в обмен на службу, так и в наши дни «бояре» — капиталисты — стали зависимыми от власти, которая выступает гарантом сохранения и умножения их богатств, при полной подчиненности собственников властвующей политической элите. Как отмечал известный шведский социолог Стефан Хедлунд: «С институциональной точки зрения, рассматривающей механизмы правил и норм, различие между русским прошлым и русским настоящим — преимущественно в технических деталях. В отличие от того, что в прошлом награждения были земельными, современные бояре награждаются за свои службы и лояльность монетарно — деньгами или акциями» [76, р. 253].

Тот путь, на который с неизбежностью встала Россия в постсоветские годы, означал неравенство условий жизненного старта для граждан в зависимости от их имущественного положения, места во властных структурах, накопленного социального капитала и т. д. Мечтам демократов о совершении подлинной и действительно народной приватизации, а соответственно, о постепенном складывании конкурентного рынка с динамично развивающимся малым и средним предпринимательством и демократического государства не довелось сбыться.

В кругах, близких к Е.Т. Гайдару, были вполне готовы поэтапно и экономически эффективно провести подготовительную работу и осуществить нормальную, а не «мгновенную», «взрывную» приватизацию, опираясь на международный опыт, в частности на тщательно осмысленный британский. Так, об этом напоминает перепубликованная в 2011 г. статья А.В. Улюкаева, руководителя группы советников правительства Е.Т. Гайдара, «Приватизация: как это делается»².

² Статья опубликована в журнале «Коммунист» в феврале 1991 г., № 3; повторная публикация — в журнале «Свободная мысль» за 2011 г., № 2.

В жизни процесс пошел преимущественно по другому вектору. Реальным приоритетом нового постсоветского режима была политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Здесь-то и сыграла решающую роль скоростная приватизация, которая практически подарила правящей номенклатуре, в первую очередь ближнему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), «теневикам» и криминалитету громадную государственную собственность. Эта приватизация прошла два основных этапа — ваучерный и залоговых аукционов. И если первый этап можно объяснить неопытностью правительства, скоротечными событиями 1992—1993 гг., то залоговые аукционы — это в чистом виде осознанные акции по формированию внеконкурентного политикообразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность.

Как писал С. Хедлунд: «Из советской реальности стагнации и медленного погружения в кризис Россия была брошена в хаотический и глубоко разрушительный “дикий” капитализм, который продлился десять лет и принес с собой гиперинфляцию, гипердепрессию, финансовый коллапс, обнищание населения и демографический кризис...» [68, с. 55].

Сторонники форсированной приватизации в России прибегли к аргументу о безысходности сложившейся ситуации и об угрозе советской реставрации. Утверждалось, что в этих условиях все средства хороши, лишь бы в кратчайшие сроки добиться произвольного раздела общей собственности и отказаться от максимально возможного количества функций государства в экономике. На самом же деле только в такой торопливой сумятице узкой группе лиц можно было безнаказанно присвоить национальные богатства огромной страны, захватывая все больше государственных активов, наживая громадные частные состояния за счет российского государства и погружения в нищету десятков миллионов простых россиян. Размышляя о феномене ускоренной российской приватизации, видный польский экономист экс-вице-премьер правительства Г. Колодко подчеркивает, что «... основная цель тех, кто получает основную выгоду от ускоренной приватизации, заключается не в улучшении корпоративного управления, укрепления финансового баланса или повышения уровня жизни населения, а в приобретении ценных активов по заниженным ценам. Создается странная ситуация: убежденные сторонники свободного рынка агитируют за ускоренную распродажу государственного имущества, в том числе и приносящего прибыль, по ценам, гораздо ниже рыночных клиринговых цен» [25, с. 199].

Этот проигрыш был запрограммирован всей историей нашего тоталитаризма, авторитаризма, «азиатчины», существовавших в России многие поколения. В противовес ожиданиям многих российских ин-

теллектуалов и власть, и собственность остались преимущественно в руках советской номенклатуры, повернувшей процессы приватизации и формирования новой властвующей элиты в свою пользу. Это объясняет бескровность «антикоммунистической революции».

Привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим слоем, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического контроля над государством и обществом. Таким образом, сохранила себя система «власть – собственность», приобретя новую конструкцию, в которой роль государства по-прежнему определяющая, но не единственная, как это было в Советском Союзе, поскольку присутствует и противоборствует корпоративистскому государству частнособственнической рыночной компонента. *Природа сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы – этакратизм в новой фазе его развития, иными словами – неэтакратизм.*

Неэтакратизм образует основу социально-экономического порядка всех стран, принадлежащих к евразийской цивилизации, причем стран с весьма несхожими уровнем развития, механизмом хозяйствования, специфической социально-политической системой. Эти общества различаются и степенью огосударствления собственности, и уровнем концентрации хозяйственной власти, и мерой открытости по отношению к внешнему рынку, и ролью правящей элиты, и степенью авторитаризма, и масштабами влияния репрессивных органов. Но во всех этих обществах мы наблюдаем чрезмерную власть государственного аппарата управления. Речь при этом идет о бюрократии особого типа, сосредоточившей в своих руках как политическую, так и экономическую власть.

Продолжая эту же линию анализа развития России как представителя особой социетальной системы, социолог С.Г. Кордонский применил для описания имперского, советского и современного российского обществ сословное представление о социальной стратификации и показал, что «сословия – а не классы – в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры. В имперской России были одни сословия, в СССР – другие, в постсоветской России сейчас формируются третьи. Собственно, переходы от одних “россий” к другим и есть смены принципов сословного устройства» [30, с. 37].

Через присвоение приватизаторы, как правило, овладели ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия: имущество, накопленное трудом многих поколений, природные ресурсы, бюджетные средства. Ничего удивительного в том, что нашим олигархам практически невозможно защитить свою собственность от государственного деспотизма, поскольку, в принципе, эта собственность осталась «ничьей», как в советское время.

Не случайны уникальные успехи экономики и культуры СССР в период «реального социализма» — органической фазы развития этой великой евразийской державы. Столь же не случайны последующие провалы страны в 1990-е годы, когда неолиберальные политики вслед за восточноевропейскими, не считаясь с реалиями страны, «повели» ее в Европу. Такого упадка Россия не извела даже в годы Второй мировой войны. Еще в 2011 г. уровень промышленного производства оставался на 20% ниже, чем в позднем СССР. Комментируя своих либеральных коллег, А. Кончаловский справедливо заметил: «Когда слышу отчаянные возгласы моих друзей “куда мы катимся!”, я терпеливо разъясняю уже который год: вы катитесь в монолитную, централизованную, нормальную “Московию”. Демократии здесь нет и быть не может... Давайте признаем: в России гражданского общества нет, граждан нет, есть население. Власть, лишённая общественного контроля, развивается и действует так, как она считает выгодным для себя» [27].

Складывающееся (пожалуй, уже сложившееся) общество характеризуется невиданным в мире индустриальных стран разрывом между бедностью и богатством. В 1990-е годы резко усилилось имущественное расслоение населения, появились значительные слои так называемых «новых бедных», работающих бедных. Реальная среднемесячная заработная плата работника (в ценах 1991 г.) за 1991—1998 гг. снизилась почти в 3 раза. При этом отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму соответственно упало с 3,16 до 1,7, то есть без малого в 2 раза. Эти данные суммированы академиком Д.С. Львовым (см. «Известия» от 2 мая 2000 года).

Но главное — не цифры, а характер основной и весьма тревожной тенденции — *привыкание значительной части наших соотечественников к бедности, включение их в культуру бедности*. Все серьезные отечественные и зарубежные ученые подтверждают эту опасную тенденцию.

Перелом наступил в 1999 г., и вплоть до 2014 г. душевые реальные доходы населения выросли в 3 раза. За эти годы уменьшилась и доля бедных, чьи доходы были ниже прожиточного минимума, составив в низшей точке своего сокращения 11% (2013 г.). Заметим попутно, что официальные данные по бедности весьма далеки от подлинной ситуации [60; 3].

Но основные социальные риски формируются не столько со стороны бедности, сколько со стороны неравенства. Наша страна лидирует в мире по неравенству в распределении богатства. На долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех активов домохозяйств в стране. В среднем в мире этот показатель равен 46%, в США — 37, в Европе — 32, в Японии — 17 [16, с. 71].

Основной результат проводившейся социальной политики аккумулирован Е. Гонтмахером и Т. Малевой в следующих словах: «В 1990-е годы в России возникли беспрецедентные по сравнению с советской

эпохой различия как в текущих доходах и потреблении населения, так и в его обеспеченности недвижимостью, предметами длительного пользования. Как следствие в стране усилилось социальное расслоение... Образовавшиеся новые группы населения (богатые, средние классы, средне- и малообеспеченные) сформировали собственные уклады жизни. При этом в годы подъема... различия между данными укладами продолжали углубляться. Видимо, происходит их “капсулирование” (закрепление) из-за фактического прекращения процесса диффузии социальных групп. Резко уменьшилась социальная мобильность, сформировалась ориентация на извлечение ренты из достигнутого положения» [15, с. 61].

В нулевые годы окончательно сформировались доминирующие модели поведения, характерные для нового этапа в развитии отношений «власть — собственность» и «приватизированной собственности». Одним из таких явлений можно назвать возникновение компаний с преимущественно государственными активами и миноритарными акционерами. Это так называемое «частно-государственное» партнерство. Привлекая (чаще всего символически) частный капитал, эти корпорации используют его для управления огромными активами стоимостью в десятки и сотни миллиардов долларов без какого-либо контроля со стороны формального владельца — российского народа, чьи интересы должна представлять Дума или правительство. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства (иными словами, его присвоение) сосредоточен в руках государственных чиновников и их исполнительных директоров — менеджеров корпораций.

В течение весьма короткого периода времени жестко и четко основными акторами и на экономической, и на политической сценах стали представители силовых ведомств, бюрократия и объединяющая их «вертикаль власти». Как писал блистательный экономист А.А. Яковлев, «модель неформальной приватизации власти в интересах бизнеса, характерная для 1990-х годов, постепенно сменяется моделью неформального же захвата бизнеса и подчинения его интересам ведомств» [73, с. 132]. Чиновничество прямо и косвенно контролирует большую часть экономики — не столько через собственность на активы, сколько через распоряжение финансовыми потоками.

По оценке Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), российское государство в 2003 г. напрямую контролировало только 20% национальной экономики, в 2006 г. — уже 30%. По мнению А.Л. Кудрина, в ноябре 2014 г. этот показатель составил все 50%. Однако, по мнению экспертов, и эта цифра занижена. Их оценка — 70% [57].

После 20 лет трансформаций можно уверенно сказать, что Россия не совершила переход к либеральной капиталистической экономике. (Движущие силы мутаций системы «власть — собственность» и фак-

торы торможения экономической трансформации по направлению к доминированию частной собственности и конкурентному рынку подробно раскрыты Н.М. Плискевич в книге «Мутации “власти — собственности”»: проблемы и перспективы» [48]. Что же касается политических институтов постсоветской России, то, по мнению авторитетного исследователя В.М. Межуева, они обладают чертами удивительного сходства с монархическими и большевистскими, несмотря на все различия, характеризовавшие Россию в разные исторические периоды: «В русском языке есть, пожалуй, слово, способное служить наименованием этой традиции. Слово это — самовластие, семантически близкое к понятию “авторитаризм”, но с более понятным для нас русским оттенком. Оно — лишь иное название русской власти, загадку которой пытаются постичь не одно поколение исследователей русской истории...

...В России за пределами власти нет никакого общества, а есть только народ — безликая, однородная и безгласная этническая или конфессиональная (православный народ) общность» [38, с. 94, 95].

«Другая» Европа или Евразия

Отнесение России к обществам этатистского (этакратического) типа дает лишь первое приближение к объясняющей концепции специфики социетальной системы, особенностей человеческих ресурсов, экономической культуры, трудовой этики, производственного поведения, менеджмента. Обращение к работам социальных философов, историков, социологов дает возможность вычленить Россию и русских из общей массы стран и народов с этатистской исторической судьбой, перейти от слишком обобщенной типологии (Запад-Восток) к типологии локальных цивилизаций. В каждый момент времени существует некая совокупность локальных цивилизаций, которые обычно выстраиваются вокруг мировых религий. В этом контексте Россию можно уверенно отнести к православной цивилизации, в которой она столетиями занимала лидирующие позиции [67; 45, с. 59–75].

С точки зрения преемственности русской религиозности как важнейшей стороны российской цивилизации задолго до современных отечественных авторов подошел к оцениванию советской системы выдающийся наш философ — эмигрант поневоле Н.А. Бердяев. В своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма», опубликованной первоначально на иностранных языках в 1937 г., а на русском — в Париже в 1955 г., он писал: «Русское коммунистическое государство есть единственный в мире тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре миросозерцания, на ортодоксальной доктрине, обязательной для всего народа... Старая русская автократическая монархия имела корни в религиозных верованиях народа, она себя признавала и оправдывала, как теократию, как священное царство. Новое русское коммунистиче-

ское государство тоже автократично и тоже имеет корни в верованиях народа, в новых верованиях рабоче-крестьянских масс, оно тоже сознает себя и оправдывает, как священное царство, как обратную теократию... Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с московским православным царством. В нем то же удушье» [5, с. 117]. И отсюда центральная для всей его книги мысль – советско-коммунистическая система определена всем ходом русской истории, она соответствует исконным русским традициям и «русским исканиям универсальной социальной правды», «и русским методам управления и властвования насилием» [5, с. 93].

Современная неозакратическая система еще с большей полнотой продолжила развитие этой духовной конструкции, преемственной с московским православным царством. В отличие от советского времени общество становится все более клерикальным. И место коммунистической ортодоксии, еще недавно бывшей обязательной для всего народа, занимает Русская православная церковь. Но положение Церкви совсем не простое. «Власть пытается при помощи РПЦ вернуть обратно морально-этические ценности XIX века. Это очень сложно сделать» [29].

Не менее определенен в суждениях политолог В.Б. Пастухов. В своих публикациях, начиная с 1992 г., он утверждает, что российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации. Для России же это была исторически логическая фаза развития. Распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации. Пастухов утверждает, что теория евразийства может содействовать решению вопроса относительно характера происходящих в российском обществе перемен: означают ли они движение в направлении вестернизации, преодоления этакратизма или формирование особой социальной реальности [46, с. 7].

В среде западных интеллектуалов все чаще высказываются и обосновываются идеи не просто «неевропейскости» России. Эти мысли посещали ученых Запада с неизменным постоянством и в давние века (среди них, например, немец-опричник Генрих фон Штаден в XVI в.) и с завидной регулярностью с XIX века (пример – весьма популярная в свое время книга маркиза А. де Кюстина «Николаевская Россия»). К отказу России в принадлежности к западной цивилизации позднее добавились суждения о ее непринадлежности и к Азии. То есть Россия стала восприниматься как самостоятельная цивилизация / культура, возникшая на границе с европейской, но сохранившая свою идентичность и устоявшая в схватке с Европой [77].

Деятели культуры Запада Россия, как правило, воспринималась как страна иного, неевропейского порядка. Так, Г. Гегель даже не включал русских в свой перечень «христианских народов Европы».

Многие наблюдатели приходили к выводу, что Россия – некий евразийский гибрид, в котором нет четких признаков ни той, ни другой части света. О. Шпенглер утверждал, что Россия – кентавр с европейской головой и азиатским туловищем. С победой большевизма «Азия отвоевывает Россию, после того как Европа аннексировала ее в лице Петра Великого» [71, т. 1., с. 110]. Интересно, что Россия тем же автором аттестовалась как еще «не завершенная» культура. В своей типологии мировых цивилизаций О. Шпенглер относил Россию к «назревающей», становящейся культуре, которой предстоит еще только заявить о себе в полный голос, в той мере, в которой позволит это сделать огромный потенциал ее роста. Однако Шпенглер, по мнению П.А. Сорокина, в своей философии истории и в оценке России повторял все основополагающие постулаты Н.Я. Данилевского [см.: 47, с. 167–168]. Но в вышедшей позднее монографии Ю.И. Семенова было показано, что нет оснований предполагать заимствования со стороны О. Шпенглера у Н.Я. Данилевского. Автор напоминает, что труду этого русского мыслителя предшествовали работы Ж.А. де Гобино и Г. Рюкерта, а главное – плюралистический подход получил в конце XIX – начале XX в. самое широкое распространение в европейских общественных науках, «причем явно не в результате знакомства с трудом Н.Я. Данилевского». Ю.И. Семенов отмечает две основные причины. Первая – социальная. В результате распространения марксизма и подъема рабочего движения господствующий класс стал испытывать страх перед прогрессом, что не могло не повлиять на общественные науки. Вторая – «чисто научная, нарастающее осознание противоречия между господствующим линейно-стадиальным пониманием истории и исторической реальностью» [56, с. 161].

Согласно мнению выдающегося английского историка XX в. Арнольда Тойнби, Россия принадлежит к общемировому незападному большинству. Русские относились к восточному христианству. Восточное же и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, «...к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории» [61, с. 157]. Тойнби считал, что «почти тысячу лет» русские «принадлежали не к нашей западной цивилизации, но к византийской – сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но тем не менее совершенно другой цивилизации» [61, с. 156]. Россия претерпела вызовы природы, вызов Азии и вызов Запада. Тяжелые природные условия заставляли ее развиваться экстенсивно, расширяя географические пространства. Ответом на вызов Азии, а именно – монгольского нашествия, явилось оседлое земледелие и укрепление православия [62].

Подводя определенный итог суждениям о российской цивилизации, уже упоминавшийся С. Хантингтон писал: «Некоторые ученые выделяют

отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианского мира по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе» [67, с. 56].

В России в кругах социальных исследователей доминирующую позицию занимала и занимает концепция принадлежности страны к семье европейских народов. Обычно авторы подчеркивают, что Россия – страна европейской культуры и ориентирована на работу европейских институтов [22]. При этом получила распространение идея принадлежности России к так называемой «второй», или «другой», Европе. Концепция «второй» Европы связана с выделением эшелонов капиталистического развития. К странам «второй» Европы относят Португалию, юг Италии, Грецию, Россию, то есть страны, позже и менее органично вступившие на путь модернизации. Делается вывод, что нет и не может быть сомнений в европейской идентичности этих стран «другой» Европы. С наибольшей глубиной и основательностью эта концепция была развита в превосходных публикациях В.Г. Федотовой, в частности, в ее монографии «Модернизация “другой” Европы» (1997) [65].

В связи со сказанным встает вопрос о ментальности русского народа. Является ли она «западной»? Вполне надежные данные крупномасштабных исследований человеческих ценностей, обобщенные в работах Ю.В. и Н.В. Латовых (включая их собственные опросы), показали, что оценки В.А. Ядова и ряда других авторов, согласно которым российская ментальность является западной, как и свидетельства Г. Хофстеда и Д. Боллингера о «восточном характере» российской ментальности, не вполне корректны. «Истина в буквальном смысле слова, – пишут Латовы, – лежит посередине: российская ментальность – промежуточная между “западной” и “восточной”. Согласно последним данным, Россия чуть ближе к Западу, а потому она все же чуть больше Евразия, чем “Азиопа”. ...Мы не нормальны и по западным, и по восточным меркам» [34, с. 54; см. также: 33].

По мнению социолога А.Л. Андреева, россияне весьма своеобразно понимают ряд базовых ценностей, которые принято считать «европейскими». По представительным опросам 2000-х годов, большинство россиян считают свободу одной из главных ценностей, без которой жизнь потеряла бы смысл, даже ставят ее выше материального благополучия. Однако только около трети из них воспринимают свободу «по-европейски», связывая ее реализацию с политическими правами и свободами, а почти две трети ощущают ее как «волю», то есть возможность быть самому себе хозяином [2, с. 75].

Тот же автор обратил внимание на приверженность русских ценностям культуры и образования, некий «идеализм» их устремле-

ний. Сравнение и с американцами, и с немцами (обследования 1993, 1999–2000 гг.) показало, что именно «в российском менталитете сохранилась характерная смысловая маркированность всего ряда понятий, относящихся к познанию, образованию и духовной жизни вообще...» [2, с. 72]. А.Л. Андреев обратил внимание и на то, что приблизительно к концу 50-х гг. XX в. стала складываться перспективная социетальная форма «общества образования», и в этом отношении Советский Союз на 30–40 лет опережал ведущие страны Западной Европы, где созвучный социальный проект («общество знаний») возник уже ближе к концу столетия. Несмотря на негативные последствия неолиберальных реформ в сфере образования, опросы 2000-х годов показывают, что подавляющее большинство россиян по-прежнему считают главным в воспитании детей именно хорошее образование [2, с. 72].

А каково восприятие современными россиянами своего места в мире, рассматривают ли они себя частью европейского мира? Следует заметить, что сами наши соотечественники после массовой атаки mass media в конце 1980-х – начале 1990-х гг. о принадлежности России к европейской, западной цивилизации, при колебаниях в оценках западного образа жизни, устойчиво предпочитали ориентацию на традиции и особенности России, на глубоко изученный национальный исторический опыт в противовес следованию «чужим образцам». Согласно данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2005 г., лишь 5% респондентов сочли, что культура и ценности европейцев и россиян не различаются; 21% полагали, что различия невелики, но 63% поддержали позицию о существенном различии по культуре и ценностям между европейцами и россиянами (см. статью В.И. Пантина: [44]). Такую же позицию при опросе, проведенном ВЦИОМ еще в 2000 г., заняли также 63% респондентов. На вопрос: «Ощущаете ли Вы себя европейцем?» в опросах 1995–1997 гг. ответили «часто» 9–12%; «иногда» – 13–16%; «редко» – 17–18%; «никогда» – 52–57%. На вопрос: «В какой мере для России подходит западный вариант общественного устройства?» в опросе 2000 г. признали этот вариант универсальным образцом всего лишь 4% респондентов, а сочли его совершенно или не вполне подходящим 67% наших сограждан [19, с. 137–153].

Для западнически ориентированных авторов эти и подобные им данные являлись свидетельством реакции опрошенных, точнее, их большинства, на собственную несостоятельность в условиях прорывных реформ. Думается, что здесь мы скорее имели дело с адекватным и неситуативным восприятием действительности, более реалистичным, чем у идеологов проводившихся реформ.

Прошли годы. В среднем вырос уровень жизни наших сограждан, упала смертность, миллионы семей получили достойное жилище. И тем не менее ряды тех, кто собственными активными действиями в рамках

рыночной системы желал бы по-западному организовывать свою жизнь, не выросли. По данным опроса Института социологии РАН, в 2011 г. две трети опрошенных считали, что «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни» [18, с. 155].

В марте 2014 г., по данным Левада-Центра [51], 38% респондентов хотели бы видеть Россию в будущем государством с совершенно особым устройством и своим путем развития; 24% хотели бы, чтобы Россия стала социалистическим государством типа СССР; и лишь 28% – государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой. В несоответствии ценностей и традиций России и Запада убеждены 23% опрошенных; ждут учета в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан 19% респондентов; поддерживают идею дальнейшего экономического развития страны, но при условии большей заботы о людях, а не о прибылях и интересах «хозяев жизни», 31%. Иными словами, навязанный России западными советниками неолиберальный путь развития, как и вначале 2000-х гг., не поддерживается основной массой населения страны. По-прежнему больше всего голосов собирает вариант ответа «идти по своему собственному, особому пути» (46%), а на втором месте – родственный вариант суждения: «вернуться на путь, которым двигался Советский Союз» (22%). Сторонники пути европейской цивилизации набрали 21% голосов опрошенных. Россияне в своем большинстве не только не хотят быть похожими на Запад, но и считают, что взаимодействие «мы – они» всегда будет строиться на недоверии (64%).

По данным известного знатока России С. Уайта (Университет Глазго) [64, с. 40–46], опиравшегося на материалы представительных опросов 2005–2006 гг., даже в сопоставлении с жителями Белоруссии и Украины россияне в гораздо большей степени являются сторонниками своего собственного пути развития (59% против 49% и 49% у украинцев и белорусов). Сторонниками общего с европейскими странами пути развития являются 25% русских, 31% украинцев и 40% белорусов. Кстати говоря, при ответе на вопрос о том, должно ли государство нести ответственность за благополучие домохозяйств, в отличие от русских, большинство белорусов оказались приверженцами точки зрения, что ответственность должна лежать на самом домохозяйстве. В то время как большая часть населения России сожалеет о распаде СССР, и белорусы, и украинцы в менее чем половине случаев сожалеют об этом и реже поддерживают идею о создании единого государства на территории СНГ.

Несовпадение ценностных ориентаций и ментальностей у русских, с одной стороны, и у украинцев и белорусов, с другой, обусловлено длительной исторической традицией. Традиция эта была заложена в годы монгольского нашествия на славянские земли. Именно тогда

разошлись в своем цивилизационном выборе северо-восточные князья во главе с Александром Невским, признавшие себя данниками монгольских завоевателей, и юго-западные князья, возглавляемые Даниилом Галицким, которые развороту на Азию предпочли политический союз с Западом. Союз с Западом предполагал верховенство католической церкви над православной и уступки в делах веры, чего избежали последователи Александра Невского. Нельзя не согласиться с такими знатоками отечественной истории, как А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко, когда они утверждают: «Цивилизационный выбор владими́ро-суздальских князей имел своим итогом вызревшую в монгольском “инкубаторе” централизованную московскую государственность. Выбор Даниила Галицкого в перспективе вел и привел к вхождению большей части Юго-Западной Руси в Литву, которая развивалась вне монгольской опеки. На территории Владимиро-Суздальского княжества сформировался русский народ. *На землях, не находившихся под властью Орды, сформировались народы украинский и белорусский* [подчеркнуто мною. — О.Ш.]».

Как бы то ни было, факт остается фактом: после монгольского нашествия Юго-Западная Русь сделала первый шаг в сторону европейской цивилизации, а северо-восточный регион — в сторону от нее.

...Мы полагаем, что разные политические и цивилизационные стратегии, избранные Александром Невским и Даниилом Галицким, во многом диктовались различием исходных состояний двух княжеств и складывавшихся в них традиций. Княжеско-боярская модель, формировавшаяся в Юго-Западной Руси, тяготела к европейскому феодализму и свойственным ему договорно-правовым регуляторам. Идея незаконной и надзаконной силы, воплощавшаяся в ордынском типе властвования, здесь не находила почвы. Галицко-Волынское Княжество не встраивалось в монгольский порядок, оно из него вываливалось» [4, с. 155–156].

Мы также согласны с мнением цитированных авторов, что движение Юго-Западной Руси к правовому типу феодальных отношений в те времена еще не завершилось; но уже в тот период права земельных собственников были там гарантированы так же, как и их права к княжеской и королевской власти. Авторы также оправданно замечают: здесь, как и в остальной Восточной Европе, не происходило той борьбы между феодалами и городами, которая сыграла столь определяющую роль в истории Западной Европы. В экономической и политической жизни при относительной слабости городов шел процесс доминирования феодалов и закрепощения за ними крестьян, тогда как на Западе начиналось их освобождение. В этих условиях, в отличие от российских, не возникло и сильной государственности, ибо власть оказалась в полной зависимости от земельных собственников [4, с. 157]. Можно сделать вывод, что в той части Руси, которая вошла

к XIV веку в состав Великого княжества Литовского, происходило формирование цивилизации европейского типа – на неразвитых, но феодальных по своим базовым принципам основаниях.

Россия в контексте евразийства

Россия, по всей своей истории и географии, столетиями была евразийским обществом, то стремившимся сблизиться со своими европейскими соседями, то тяготевшим всем строем жизни к азиатскому миру. Представляется, что теория евразийства, сформировавшаяся в 1920-е годы в среде эмигрантов из России (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин и др.) не случайно становится важным системным элементом анализа процессов развития современной России и ее восточных соседей. Евразийцы полагали, что Россия – это Евразия, а не только Европа. Россия, по их мнению, представляет собой особый мир, который правильнее было бы назвать Евразией. И это не просто указание на географическое местоположение России, но название некоей этнической, культурной, исторической общности, принципиально отличной как от Европы, так и от Азии. Они рассматривали территорию России в качестве особого полиэтнического образования, добавляя к ней Туву и Внешнюю Монголию. СССР 1920-х годов действительно во многом соответствовал евразийской доктрине географически (Европа и Азия как месторазвитие); своеобразием этническим, включающим европейские и азиатские народы, а также наличием идеократического государства, держащегося на силе идеи, сплачивающей общество. В евразийской доктрине 1920-х годов не удалось воплотить универсальную роль православия. Но мы обсуждаем реанимацию евразийства в 2000-е годы. И в современном евразийстве идеи предшественников находят целостное воплощение.

Речь идет об особом географическом и историческом мире, впервые объединенном монголами. Чингисхан, по мнению Н.С. Трубецкого, подчинил себе все кочевые племена евразийских степей и превратил евразийскую степную систему в одно сплошное кочевническое государство с прочной военной организацией. Перед такой силой ничто устоять не могло. Все государственные образования на территории Евразии должны были утратить свою самостоятельность и поступить в подчинение владыке степей. Таким образом, Чингисхану удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, – задачу государственного объединения всей этой части света. Он выполнил эту задачу так, как только и можно было ее выполнить, – объединив под своей властью степь, а через степь и всю остальную Евразию [63].

Евразия представляет собой некую географически, этнологически и экономически цельную, единую систему, государственное объеди-

нение которой было исторически необходимо. Чингисхан впервые осуществил это объединение, и после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии, хотя было не всегда одинаково ясным. Как писал Г.В. Вернадский в работе «Начертание русской истории» (1927), в последующем задачу государственного объединения Евразии решила Россия. Российская империя была преемницей монгольской. «История русского народа с этой точки зрения есть история постепенного освоения Евразии русским народом. История России должна быть рассматриваема в свете истории Евразии, и только под этим углом зрения может быть должным образом понято все своеобразие русского исторического процесса. Но вместе с тем русская история до конца XIX в. далеко не совпадает с историей Евразии. Лишь с последней четверти XIX в. история России есть в сущности история Евразии» [цит. по: 56, с. 173]. По мнению Вернадского, Российская государственность есть одновременно и политический механизм, и огромный историко-культурный организм. «Стихийный исторический процесс сплотил и продолжает сплачивать все больше племена и народности Евразии в единое культурное целое... Российское государство есть государство Евразийское, и все отдельные народности Евразии должны чувствовать и сознавать, что это *их* государство» [цит. по: 56, с. 174].

По мнению евразийцев, русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это *естественное единство евразийского пространства*, потому что является наследником, преемником, продолжателем «исторического дела Чингисхана». При этом евразийцы особо подчеркивали, что *российское государство не есть продолжение Киевской Руси. Из нее не могло развиться такого мощного государства.*

Своей задачей евразийцы считали внедрение в сознание образованных людей мысли о решительном отказе от евроцентризма и необходимости новой попытки национального самопознания. По их убеждению, мощная азиатская составляющая российской самобытности, игнорировавшаяся на протяжении долгого времени, побудила их обратиться именно к восточным корням России = Евразии. Россия, взятая в целом, «со всеми своими азиатскими владениями и провинциями», переплетением этнических и культурных влияний, — это особый мир, где нет места единообразию национального типа. Евразийцы, проведя анализ, доказывали, что так называемый «русский национальный характер» содержит в себе большое количество черт явно тюркского происхождения [55; 17].

В отличие от позитивного восприятия Петра I, которое преобладало в среде образованных россиян, евразийцы отмечали, что Петр нанес русскому национальному чувству самые тяжкие оскорбления, разрушил все те устои, на которых покоилась внутренняя мощь России. Так, он разрушил существенно важный, с точки зрения

основной государственно-идеологической системы, институт патриаршества. Евразийцы не отрицали патриотизм Петра, «патриотизм этот был своеобразен и в русской жизни дотоле неизвестен. Это была не привязанность к реальной, исторической России, — отмечал Н.С. Трубецкой, — а страстная мечта о создании из русского материала великой европейской державы, во всем походящей на другие европейские страны, но превосходящей их величиной своей территории, мощностью своих сухопутных и морских военных сил» [63, с. 263]. Но прошло время, и, как заметил видный деятель современного православия А. Кураев, «Петр бросил вызов православной России, и через сто лет она ответила ему явлением Пушкина». И он же справедливо сказал: «Один из важнейших парадоксов культуры — даже в советские годы выдающиеся достижения русской гуманитарной культуры создавались православными людьми — Ростроповичем, Солженицыным, Распутиным, Пастернаком» [52]. А.С. Кончаловский, скорее оппонент евразийцам, чем союзник, рассуждая о соотношении русской и европейской цивилизаций, следующим образом оценивал будущее России как самостоятельной цивилизации: «Не забывайте, что Россия — периферия европейской цивилизации. Почему периферия? Потому что до нас не дошла ни античная греческая, ни иудейская схоластика, ни римское право. Россия — периферия Европы. И, тем не менее, она мыслит динамически, в отличие от Китая или Индии. Существует не так много цивилизаций в мире, которые самодостаточны. Россия не может существовать сама по себе — мое убеждение. Она в той или иной степени вынуждена будет выбирать между тем, чтобы стать китайским сателлитом, либо договориться с Америкой построить тоннель под Беринговым проливом, создать супер-страду и насытить Сибирь европейскими понятиями. На мой взгляд. Иначе она исчезнет» [26].

Много лет назад Ю.М. Лотман высказал интересную мысль: евразийство формировалось «по западную сторону границы, отделявшей оседлую европейскую цивилизацию от ВЕЛИКОЙ СТЕПИ, и по восточную сторону от конфессиональной границы, разделявшей истинное и еретическое христианство. Русь одновременно осознавала себя и центром мира, и его периферией, одновременно ориентировалась на изоляцию и интеграцию» [35, с. 5–6].

Зарубежные оценки современной России

Несколько лет назад Майкл Буровой дал интервью В.В. Радаеву, где четко обозначил близкую нам позицию о неинтерпретируемости событий в современной России на концептуальном базисе западной социологии. Коснувшись обсуждения в *American Journal of Sociology* проблем переходного периода в Китае, а также в Центральной и Восточной Европе, он сказал: «Примечательным в дискуссии было то, что никто не представлял пример России, который, с моей точки зрения, являет-

ся примером провала реформ. Все говорили о примере Румынии или Болгарии. Но ведь провал-то случился не у них. Думаю, люди должны будут переосмыслить свои теории в свете российского опыта... Однако анализ России, похоже, не интегрирован в социологию и особенно в экономическую социологию, как, например, анализ Китая. Россия всегда стояла особняком, рассматривалась скорее как исключение. Но мне кажется, что социология только выиграла бы, если бы она включила в сферу своих исследований этот крайний случай – со столь необычной, уникальной историей. Конечно, это не подразумевает сведение российского опыта к некоей общей теоретической схеме» [53, с. 37–38].

Среди европейских исследователей и аналитиков по-прежнему бытует мнение, что социально-экономический порядок современной России принципиально не отличается от устройства большинства развитых европейских стран. Хотя этому концептуальному подходу явно противоречат многочисленные факты и события последних лет. Для многих западных ученых Россия представляет собой, как правило, один из типов капитализма. Так, для известного аналитика России профессора Д. Лэйна эта страна в 1990-е годы проходила путь от государственного социализма к кооперативному капитализму, координируемому государством. Он исходил из посылки, что ранним посткоммунистическим правящим элитам грезились переход к обществу западного типа с его богатством, наличием рынков, частной собственности, демократии и гражданского общества. Однако капиталистические общества Западной Европы и особенно США не только не стали работающими моделями того, во что стремилась превратить Россию ее правящая верхушка. Российскую экономику того времени автор характеризовал как извращенное хаотическое социальное образование [36]. Позднее, в 2015 г., Лэйн подчеркивал существование в России формы капитализма, сочетающей, с одной стороны, элементы неолиберальной экономической системы, а с другой – государственно-корпоративной [37, с. 9].

Профессор М. Кастельс с середины 1980-х и до конца 1990-х изучал Россию, проведя в ней немало времени и осуществив целый комплекс исследований. Вот некоторые итоги его анализа. «Кризис, переживаемый Россией, вновь, в конце XX столетия, бросил вызов нашему концептуальному созиданию... К тому же зачастую интеллектуальные категории, посредством которых мы интерпретируем российские проблемы и конфликты, являются продуктом устаревшей структуры, в значительной степени носящей следы интонаций холодной войны. Мы все еще думаем в терминах дихотомии между капитализмом и социализмом, либерализмом и советизмом, Западом и Востоком, предпринимателями и бюрократами, свободой и коммунизмом, централизмом и локальностью. Наш прежний образ мыслей просто неприменим к России, да и к миру в целом. Но в России аналитический вызов даже

более ощутим, поскольку в конце столетия она комбинирует различные направления перемен, полностью погружаясь в новую глобальную реальность» [24, с. 48–49].

Тем не менее наиболее употребляемой аттестацией современного российского капитализма у М. Кастельса является весьма нелестный для конца XX века термин «дикий». К этому можно добавить дополняющие эту характеристику следующие два комментария: «Ирония ситуации заключается в том, что олигархическая властная система в России крайне напоминает традиционную карикатуру на государственно-монополистический капитализм, приписываемый коммунистической мифологией западному миру»; пореформенная Россия переживает «трудный бесконечный переход от сюрреалистического социализма к нереальному капитализму» [24, с. 37, 46].

Примерно в те же годы профессор М. Буровой на основе своих наблюдений и исследований поставил под сомнение тезис о том, что переходные процессы, которые переживала Россия, означали переход к капитализму. Он охарактеризовал траекторию развития российской экономики как «инволюцию», напоминающую веберовский «грабительский капитализм», где банки и торговые монополии получают прибыли, но ничего не инвестируют в производство. (Кстати говоря, и на протяжении 2000–2009 гг. эта характеристика оставалась вполне адекватной реальной ситуации.) Производство же в России, согласно Буровой, осуществлялось по-прежнему по советской схеме [74, р. 269–290].

Наряду с подобными оценками на протяжении десятилетий делаются попытки объяснить общества советского типа как продолжение феодальных отношений в мире индустриальном и постиндустриальном. Так, в 1970-е гг. эти идеи отстаивал немецкий социолог В. Теккенберг. В основу своего подхода он положил веберовскую концепцию, интерпретируемую в американской социологической традиции как концепцию статусных групп. По его мнению, на самом деле это концепция сословий. Она строится на следующих основаниях: образ жизни, формальный уровень образования и, наконец, престиж наследуемого положения или профессии. По Теккенбергу, это позволяет глубоко понять природу социального неравенства в СССР, которое основывается на государственно контролируемом неравенстве в распределении и жизненных шансах. Существовавший в СССР тип общества он именует «феодальным» [78].

М. Восленский считал, что «проблема нашего времени состоит не в том, что капиталистическая формация уже исчерпала себя, а в том, что феодальная формация еще не полностью исчерпала все возможности продлить свое существование. И она делает это, выступая в форме тоталитаризма этой “восточной деспотии” нашего времени: реального социализма, национал-социализма, фашизма, классовой диктатуры политбюрократических структур – номенклатуры. Все это реакция

отмирающих феодальных структур, олицетворяющих мрачное прошлое человечества» [13, с. 198]. Эту же идею уже в наши дни защищает применительно к современной отечественной действительности социолог С.Н. Гавров [14].

В публицистике 2010-х годов категория «неофеодализм» зачастую используется для определения сущности постсоветской России. Авторы отмечают, что подобно тому, как феодалы получали земельные наделы монархов, олигархи получают от президента крупные активы. Неофеодализм сочетает насильственные методы внеэкономического принуждения с капиталистической эксплуатацией. Несколько лет назад профессор Мичиганского университета, наш бывший соотечественник, В. Шляпентох выпустил книгу под вызывающим названием «Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры» [70]. Автор видит в России некую форму феодализма, характеризующуюся слабостью центральной власти, важной ролью коррупции и широким распространением покровительства. Он также отмечает ненадежность прав собственности в постсоветской России; использование президентской власти для личного обогащения; накопление огромных богатств губернаторами для себя, своей семьи, а также близких социальных и политических кругов; подбор и продвижение чиновников по принципу родства и близких личных связей. Шляпентох утверждает, что разные варианты либеральной или авторитарной модели не могут в полной мере объяснить изменения в постсоциалистических странах. Их «следует использовать в сочетании с третьей, феодальной моделью, которая сама по себе может объяснить большее число элементов постсоветского общества, чем две другие» [70, с. 282–283].

Ян Драхокупил попытался проинтегрировать взгляды ученых, преимущественно из европейских стран, на характер социально-экономических отношений в посткоммунистических странах [75]. Для решения задачи им были взяты три, пожалуй, лучших коллективных книги, написанные высокопрофессиональными авторами и изданные в престижных издательствах. Каков же итог? Он обнаружил ту же картину, ту же мозаику взглядов, что и за десятилетие до его публикации. Другими словами, доминирующие обсуждения по большей части сводятся к уточнению типа капитализма в той или иной из посткоммунистических стран, по крайней мере, Европы («либеральный зависимый капитализм», «патримониальный капитализм», «гибридный государственно-рыночный капитализм», «олигархический капитализм», «веберийский политический капитализм» и т. д.).

Общим местом является наличие в этих странах (от Польши и Чехии до России) регулируемой рыночной экономики (*controlled market economy*). Однако никто из авторов специально не оговаривает, почему в отличие от исконно западных стран (Балтия, страны Центральной Европы) Россия и ее преимущественно «православные» постсоциалистические

соседи целиком не вписываются ни в одну из приведенных классификаций, оставляя массу вопросов. Так, например, сам Драхокупил при обсуждении указанных стран вообще осторожно обходит этот вопрос стороной. Рассуждая о типах капитализма, которые четко обозначились в современной Европе (основной раздел по линии старая Европа – новая Европа), он лишь вскользь упоминает об «особости» России, присваивая ей ярлык СМЕ (*controlled market economy*).

Однако если подобный подход и применим к Европе («общее и особенное»), то в этот ряд едва ли вписываются нации-государства, принадлежащие к евразийской цивилизации. В связи с этим мы предполагаем в дальнейшем продолжить развитие идеи о русском народе как представителе евразийской цивилизации, образующем ее западный ареал, пограничный с европейской цивилизацией. Отметим попутно, что западная граница СССР кануна Второй мировой войны может считаться подлинной границей евразийской цивилизации. Поэтому во всех сторонах жизни России, как и в других пограничных культурах, на протяжении веков были значимо представлены элементы соседствующей европейской цивилизации. Особенно это относится к периоду существования Российской империи от Петра I до революции 1917 г., когда в стране активно присутствовал чисто европейский компонент (Польша, Финляндия, Прибалтика), а сама российская государственность органично входила в «концерт» европейских держав.

И тем не менее даже сторонники капиталистического пути развития России пишут о разнообразии «национальных моделей рыночной экономики». Очевидно, что в нашей стране ни англосаксонский, ни азиатский, ни рейнский капитализм не имеют перспектив. Как замечает В.С. Автономов, «здесь можно вспомнить анекдот о норвежских рыбаках, которые пытались поймать исландскую селедку, но у них почему-то всегда ловилась норвежская. Мы обречены на то, что у нас сложится именно российский капитализм, но, чтобы хоть как-то влиять на этот процесс, нам неплохо изучить существующие в мире варианты» [1, с. 6].

Для нас Россия, как мы уже отмечали, – лишь западная пограничная часть евразийского субстрата, который образует особую субкультурную реальность со своими институтами, ценностями, отношениями власти и населения, со своими религиозными представлениями. Россия находится между Западом и Востоком, но возвышается над ними со стороны Севера. Мы не можем не фиксировать северную идентичность нашей страны. Ибо, помимо Северной, существует Южная Евразия, которая отделена от первой не только географически, но и всем комплексом цивилизационных характеристик.

В подтверждение приведем высказывания двух выдающихся интеллектуалов России, позаимствованные из превосходной работы нашего коллеги Ю.В. Попкова. В «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811) Н.М. Карамзин

писал о России как о северной евразийской стране: «Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами, — византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами. Сии последние черты, свойственные народу мужественному, вольному, еще были заметны в обыкновении судебных поединков, в утехх рыцарских и в духе местничества, основанного на родовом славолубии. Заключение женского пола и строгое холопство оставались признаком древних азиатских обычаев... Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность» [цит. по: 50, с. 22–23].

Как бы продолжая суждения Карамзина, величайший химик, порожденный русской землей, Д.И. Менделеев так оценивал свой народ — плод евразийской цивилизации: «И я полагаю, что наш русский народ, занимая географическую середину старого материка, представляет лучший пример народа реального, народа с реальными представлениями. Это видно уже в том отношении, какое замечается у нашего народа ко всем другим, в его уживчивости с ними, в его способности поглощать их в себе, а более всего в том, что вся наша история представляет пример сочетания понятий азиатских с западноевропейскими» [цит. по: 50, с. 31].

Заключительные размышления

Мы рассматриваем современную Россию как представительницу специфической евразийской цивилизации с тысячелетиями воспроизводившимися в ней отношениями «власти — собственности», как носительницу определенных традиций авторитарного управления и организации социальной и гражданской жизни.

После потрясений 1990-х гг. страна постепенно возвращается на свой евразийский путь. Авторитарные традиции как доминировали в экономике страны в прежние эпохи, так и возвращают ныне свое доминирование. Мощь России, как и во все эпохи жизнедеятельности евразийской цивилизации, зиждется на государственном контроле над ресурсами. Возвращены в государственную собственность ряд ведущих предприятий топливной, металлургической и обрабатывающей отраслей. Более того, одновременно усилилось присутствие государства в других частных и смешанных компаниях, формально работающих в условиях капиталистической рыночной экономики. Бизнес как носитель свободно-рыночных отношений подмят под себя государственно-бюрократическими структурами. Государственное регламентирующее воздействие вновь распространено на всю экономику. Контроль над

подавляющей частью национальных активов, и прежде всего над стратегическими отраслями экономики, сосредоточен в руках политического руководства страны и государственных чиновников — менеджеров корпораций. Корпоративная система, как и в прежние времена, выступает определяющей формой реализации властных отношений в соответствии с иерархическим ранжированием и объемом и характером привилегий членов социума. В специфическом социально-экономическом порядке, каковым является неоэтакратизм, в трансформированном виде воспроизводится и сословно-властная иерархия. Сословия различаются юридическими правами, которые, в свою очередь, жестко связаны с обязанностями, и находятся в прямой зависимости от этих обязанностей и места в системе властных отношений.

Этатистская система и советских времен, и современных псевдодемократических закреплена в соответствии с традициями старой русской государственности доминированием государственной идеологии, идеократией. Идеология эта предполагает единство ценностей и социальных норм в обществе, господство официально провозглашенной системы воззрений, обезличенность индивидуумов, борьбу с инакомыслием. Идеократизм выражается во всеобъемлемости своего влияния. Идеократия имеет корни в верованиях народа, она соответствует его ортодоксальному миросозерцанию.

Здесь мы вынуждены затронуть проблемы существующего в России политического режима. Не является ли его авторитарное устройство само по себе препятствием для модернизации страны? При некоторых расхождениях десятилетиями преобладающим было утверждение, что либерализм и демократия являются обязательными предпосылками модернизации любой отсталой страны. Но за последние годы, на данном этапе динамики мировой экономики либеральный капитализм не подтверждает своих преимуществ по сравнению с авторитарными системами. Кризис конца нулевых годов укрепил легитимность авторитарных режимов, которые, как оказалось, при эффективном правлении вполне обеспечивают успешную экономическую динамику.

Как отмечает известный политолог Параг Ханна, политические лидеры во всем мире сталкиваются с требованиями обеспечить экономические свободы, социальное равенство и политическую прозрачность, но совсем не обязательно демократию. Все большее число авторов, особенно из развивающихся стран, придерживаются мысли о том, что «хорошее управление» может предполагать не менее эффективную защиту прав личности, чем демократия. Недавно первым африканским миллиардером, телекоммуникационным магнатом из Судана Мо Ибрагимом был сконструирован «Индекс Ибрагима». В соответствии с ним индикаторами «хорошего управления» являются: (1) безопасность и защищенность; (2) власть закона; (3) прозрачность

и отсутствие коррупции; (4) устойчивое экономическое развитие и умножение человеческого капитала.

Таким образом, в этом индексе нет связи эффективности с демократией. «На примерах Китая, Сингапура, Малайзии и Вьетнама четко видно, эффективное промышленное развитие может происходить без всяких предварительно созданных демократических институтов» [66, с. 103, 104].

В России взгляды, которых придерживается Параг Ханна, давно уже не новость. Их сторонники обычно именуют оптимальный для страны режим режимом авторитаризма развития, реже по аналогии с историческим опытом — просвещенным авторитаризмом. Так, В.А. Красильщиков отмечает: «*Модернизация в России возможна только как авторитарная*, особенно на первых порах. Демократическая модернизация по примеру сегодняшних Бразилии и Чили невозможна по причине отсутствия консенсуса в обществе по поводу модернизации, эгоизма верхов, инертности низов и неразвитости гражданского общества. В то же время настоятельно необходима деприватизация государства на всех уровнях. Без этого государство не станет государством развития» [31, с. 159]. Для молодежи России (поколение двадцатилетних) мягкий авторитарный режим, если он обеспечивает власть закона, отсутствие коррупции, индивидуальный успех, карьеру, комфорт и качество жизни, вполне приемлем.

За четверть века переустройства экономики только те евразийские страны добились относительно позитивных результатов, которые не стали имитировать европейские пути развития, а пошли своим евразийским путем транзита. Мы имеем в виду Беларусь и Казахстан. В этих странах в процессе модернизации при активном заимствовании технико-организационного и иного опыта более развитых стран современные формы были «посажены» на собственную социокультурную почву, то есть реализовывался синтез западного опыта с национальными и цивилизационными традициями.

Выбор направления развития осуществляется как равнодействующая всех социальных сил, участвующих во взаимодействии по преобразованию общества. Здесь ключевое место занимают принципы отбора идеалов, на основе которых формируется новое общество как преобразованная социальная система с новыми каналами социализации, совокупностью новых социокультурных ценностей.

Как отмечает один из идеологов этого совершающегося ценностного выбора Леонтий Бызов, консервативное большинство населения России было и во все большей степени становится опорой власти, охранительной политики и идеологии. Это большинство считает президента отцом нации, который несет в массы определенную систему ценностей [8, с. 47–60]. «Тренд неоконсерватизма, по замыслу тех, кто пытается найти в нем новую российскую идеологию, основыва-

ется на семейных, традиционных ценностях, государственничестве, патриотизме, державности, тяге к порядку и стабильности» [10, с. 9]. Эта квазитрадиционалистская часть населения сохранила архаическое сознание и до сих пор, по мнению А. Кончаловского, живет в добуржуазном обществе. Кончаловский приводит разнообразную статистику о состоянии России по размаху коррупции, продолжительности жизни; сообщает сведения о катастрофическом состоянии нравственности, семейных связей, уважения к человеческой жизни; об отсутствии гражданской активности и уважения к частной собственности. «Я хочу гордиться моей Родиной, а мне за нее стыдно», — пишет он, добавляя, что те, кто сейчас управляют Россией, как кажется, не замечают катастрофической ситуации российского общества, обольщая его заклинаниями о величии. Одновременно они продолжают продвигать на экспорт образ чистой и здоровой России, которая станет последней надеждой для разложившейся Европы [28].

Евразийская цивилизация как и всякая открытая социальная система, для своего развития должна обеспечивать свободный обмен всеми компонентами жизнедеятельности: людьми, идеями, товарами и т. д. Конечно, консервативный поворот Евразии может превратить государства-общества, входящие в ее орбиту, в так называемые «задержанные общества», то есть общества, отвергающие шанс превратиться в открытую систему. Это общества, в которых властные структуры стремятся заблокировать каналы взаимодействия с внешней средой, остановить инновационные процессы, остановить «подпитку» людьми, идеями, информацией, технологиями извне. Такой системой являлся СССР, и всем известно, чем это кончилось.

В отечественной либеральной литературе преобладает мнение, что во всех обществах устойчивое состояние, закрепленное мощью государства, сильным правлением, ведет к упадку, тормозит процветание и прогресс. Так, известный либеральный автор А.В. Рубцов пишет: «Нынешний разворот назад, в сторону несвободы и патриархальных отношений, даже в ближайшей перспективе ничего хорошего не сулит. Исторически он ничем не обоснован — только лишь оперативный расчет и локальная политика. Страшное зрелище: мир на передовых рубежах развития, хотя и с маневрами, но в целом дрейфует в одну сторону. А тут гигантский вооруженный дреднот “Россия” вдруг разворачивается и берет курс на патриархальное прошлое, увлекая за собой корабли в кильватере» [54].

Однако профессор Н.А. Кричевский в противовес утверждает, что наша экономика «нуждается в возврате к консерватизму: в жестком до авторитарного регулировании, контроле и надзоре, в государственной собственности на недра и инфраструктуру, в цивилизованном рынке в промышленном и потребительском секторе, с неременным соблюдением прав и свобод индивидуумов, в плановом развитии обществен-

ной сферы. А еще: в освобождении от коррумпированного балласта... В этом суть нового экономического консерватизма, перефразируя Бердяева, одного из немногих препятствий на пути зверино-хаотической стихии в нашем хозяйстве» [32, с. 9].

В обоснование суждений Кричевского приведу всего лишь несколько слов из Н.А. Бердяева: «Правда консерватизма не есть начало, задерживающее творчество будущего, она есть начало, воскрешающее прошлое в его нетленном». И еще: «Истинный консерватизм есть борьба вечности со временем, сопротивление нетленности тлению. В нем есть энергия, не сохраняющая только, но и преобразующая» [6].

Эти принципы применительно к современному обществу подробно раскрыты Л.Г. Иониным в его книге «Апдейт консерватизма» [21]. Как отмечает Ионин: «При всяких ...общественных трансформациях история народов, их прошлое оказывается тем якорем, на котором они держатся и выстаивают вопреки самым жестоким ударам судьбы. Лучший способ уничтожить государство — это лишить его прошлого, отнять у него историческую память» [21, с. 83].

Центральный вопрос, на который необходимо получить ответ в предстоящих дискуссиях: есть ли в стране социальные силы, способные переломить ситуацию и вывести Россию на дорогу, ведущую в рыночную информационную экономику при экономической свободе, политической прозрачности и эффективной защите прав личности? Вариативность возможных сценариев развития России, как и ряда других стран Евразии, предопределяется исходом противостояния компрадорского и национального капиталов. До сих пор властвует компрадорский капитал, взаимодействующий с коррумпированным чиновничеством.

Только представители средних слоев (среднего класса) постиндустриального типа являются опорой и гарантом структурных изменений в экономике и обществе. Они обладают высокой адаптивностью, значительными социальными притязаниями, социальной активностью и интенцией к ориентации на легальные способы ее проявления. Именно интересы и социально-экономические ожидания нового среднего класса (несмотря на его, к сожалению, малочисленность) должны быть ориентиром программы динамичного стабильного развития России и, соответственно, эффективной государственной политики.

Одним из важных моментов стратегии развития является установка на повышение профессионализма, самоотдачи, проявление инициативы, то есть тех качеств соотечественников, которые всегда были предметом гордости России. Успех реализации интегрированной социально-экономической политики будет предопределяться совпадением перспективных интересов власти и основных групп российского общества.

В сложившихся условиях необходимо формирование идейных, политических и нравственных ценностей, призванных заполнить посткоммунистический и постимперский нравственный вакуум. Мы согласны с А.И. Солженицыным: «Надо теперь жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих, — и духовным и телесным спасением нашего же народа» [58]. Государственная политика, опирающаяся на солидарность нации, на устойчивую общность интересов основных социальных сил, исходящая из традиционного для россиян понимания справедливости, может стать важным элементом строительства сильного национального социального государства — ядра евразийской цивилизации.

* * *

Следует постоянно держать в памяти, что многое в истории и перспективах развития России задано. Мы никуда не уйдем от менталитета россиянина, доминантно представленного восточным христианством, причем в его русской версии. Не уйдем от национальной культуры со следами влияний восточных культур, того, что многими историками называлось «взаимодействием леса со степью», влиянием монгольского ига и последующих воздействий кочевых народов, соприкасавшихся с русской оседлой цивилизацией. Можно вспомнить и более близкие времена: чрезвычайно позднее освобождение крестьянства и искусственное торможение ликвидации общинных отношений, практическое отсутствие в истории страны институтов гражданского общества. Можно также вспомнить о традиционности существования в стране крупнейших в мире предприятий, оправданных не экономически, а политико-организационно в условиях милитаризма. Все эти и многие другие не названные мной факторы, относящиеся ко всем сторонам жизни и складывавшиеся столетиями и десятилетиями, остаются с нами. Они укоренены в повседневность, и их нельзя не учитывать при выборе вариантов развития России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. Предисловие // Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии / Пер. с нем. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа; СПбГУЭиФ; Высшая школа экономики, 1999. С. 5–6.
2. Андреев А.Л. Российский социум как «другая» Европа // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 70–79.
3. Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. 2014. № 4. С. 59–95.
4. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2013. — 496 с.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. — 224 с.
6. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. — 246 с.

7. *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. – 144 с.
8. *Бызов Л.Г.* Параллельные миры? Что стоит за новой ценностной поляризацией общества? // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 47–60.
9. *Бызов Л.Г.* Контуры новорусской трансформации (Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы). М.: РОССПЭН, 2013. – 390 с.
10. *Бызов Л.Г.* Новое консервативное большинство как социально-политический феномен // Мир России. 2014. № 4. С. 6–34.
11. *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 1. (Вводная часть. Сущность проблематики). М.: Высшая школа, 1994. С. 13–48.
12. *Васильев Л.С.* Эволюция общества. Типы общества и их трансформация. М.: Университет, 2011. – 206 с.
13. *Восленский М.* Феодалный социализм. Место номенклатуры в истории // Новый мир. 1991. № 9 (797). С. 184–201.
14. *Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 352 с.
15. *Гонтмахер Е., Малева Т.* Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 61–72.
16. *Гонтмахер Е.Ш.* Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 68–81.
17. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993. – 576 с.
18. 20 лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. – 328 с.
19. *Дубин Б.* Запад для внутреннего употребления // Космополис. 2003. № 1. С. 137–153.
20. *Ефимчук И.В.* Пирамида власти-собственности: будущее планетарной экономики? // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 131–142.
21. *Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. – 304 с.
22. *Кара-Мурза С.* Европоцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М.: Эксмо, Алгоритм-Кн., 2002. – 256 с.
23. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
24. *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.
25. *Колодко Г.В.* От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000. – 392 с.
26. *Кончаловский А.* Интервью Hard day's night. 3 июля 2013 г. [электронный ресурс]. Дата обращения 27.10.2015. URL: <<http://www.konchalovsky.ru/press/interviews/hard-days-night/>>.
27. *Кончаловский А.*: Если у России не появится национальной идеи, нас либо завоюют китайцы, либо освоят европейцы, 13 октября 2013 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.10.2015. URL: <<http://sobesednik.ru/incident/20131013-andrei-konchalovskii>>.

28. *Кончаловский А.* Куда мы катимся? // AdMe.ru [электронный ресурс]. Дата обращения 20.01.2014. URL: <<http://www.adme.ru/vdohnovnie-919705/kuda-my-katimsya-609455/>>.
29. *Кончаловский А.С.* В какого Бога верит русский человек // Российская газета. 10 апреля 2013 г.
30. *Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008. — 216 с.
31. *Красильщиков В.А.* Модернизация: Зарубежный опыт и уроки для России // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 1. Стратегические проблемы модернизации. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. С. 83–160.
32. *Кричевский Н.* Экономика, которую мы обретаем // Новая газета, 18 ноября 2013 г.
33. *Латов Ю.В., Латова Н.В.* Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 31–43.
34. *Латов Ю.В., Латова Н.В.* Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Ховстеда // Мир России. 2007. № 4. С. 43–72.
35. *Лотман Ю.* Труды по знаковым системам. Вып. 15. Тарту: Ученые записки Тартуского государственного университета, 1982. С. 110–122.
36. *Лэйн Д.* Преобразование государственного капитализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. № 1. С. 3–22.
37. *Лэйн Д.* Евразийская региональная интеграция как ответ неолиберальному проекту глобализации // Мир России. 2015. № 2. С. 6–27.
38. *Межуев В.М.* Традиция самовласти в современной России // Свободная мысль. 2000. № 4. С. 94–102.
39. *Нуреев Р.М.* Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: ДОНИШ, 1989. — 244 с.
40. *Нуреев Р.М.* Россия: особенности институционального развития. М.: НОРМА, 2009. — 448 с.
41. *Нуреев Р.М., Рунов А.Б.* Россия: неизбежна ли депривация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 10–31.
42. *Нуреев Р.М.* Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. № 3. С. 3–66.
43. *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. — 531 с.
44. *Пантин В.И.* Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 29–39.
45. *Пастухов В.Б.* Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Полис. Политические исследования. 1992. № 5–6. С. 59–75.

46. *Пастухов В.Б.* Три времени России: общество и государство в прошлом – настоящем – будущем. М.: ПОЛИС – РОССПЭН, 1994. – 160 с.
47. *Пивоваров Ю.С.* Николай Данилевский: в русской культуре и мировой науке // Мир России. 1992. № 1. С. 163–216.
48. *Плискевич Н.М.* Мутации «власти-собственности»: проблемы и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2007. – 54 с.
49. *Плискевич Н.М.* Трансформация системы-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства // Мир России. 2015. № 1. С. 8–34.
50. Евразийский мир. Ценности, константы, самоорганизация / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Нонпарель, 2010. – 449 с.
51. Пресс-выпуск «Особый российский путь». 07.04.2014 // Сайт Левада-Центра [электронный ресурс]. Дата обращения 25.10.2015. URL: <<http://www.levada.ru/2014/04/07/osobyj-rossijskij-put/>>.
52. Протоиерей Андрей Кураев: Полемика с Кончаловским в «Российской газете», 17 мая 2013 г. // Православие и мир [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2015. URL: <<http://www.pravmir.ru/protodiakon-andrej-kuraev-polemika-s-konchalovskim-v-rossijskoj-gazete/>>.
53. *Радаев В.В., Добрякова М.С.* Экономическая социология. Автопортреты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 487 с.
54. *Рубцов А.В.* Три возраста России // Новая газета, 13 декабря 2013 г.
55. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев / Сост., вступ. ст. и примеч. С. Ключникова. М.: Беловодье, 1997. – 525 с.
56. *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
57. *Смирнов К.* Кто заменит Медведева? Злоба дня // Московский комсомолец. 24 ноября 2014 г.
58. *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. 1990 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.10.2015. URL: <http://www.solzhenitsyn.ru/modules/myarticles/print_storyid_313.html>.
59. *Соловьев С.М.* Публичные лекции о Петре Великом // Сочинения. В 18 кн. Книга IX. История России с древнейших времен. Том XVII–XVIII / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1996. С. 603–613.
60. Социальная политика: долгосрочные тенденции и изменения последних лет. XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, 7–10 апреля 2015 г. Краткая версия доклада / Отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И.Якобсон. М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 51 с.
61. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. Сборник / Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура»; СПб.: «Ювента», 1995. – 480 с.
62. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории / Пер. с англ.; Сост. А.П. Огурцов; Вступ.ст. В.И. Уколовой; Закл. ст. Е.Б. Рашковского. М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

63. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М.: ЭКСМО, 2012. – 336 с.
64. *Уайт С.* Прошлое и будущее: тоска по коммунизму и ее последствия в России, Белоруссии и Украине // Мир России. 2007. № 2. С. 25–47.
65. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997. – 255 с.
66. *Ханна П.* Второй мир / Пер. с англ. М.: Свободная мысль; Центр исслед. постиндустр. об-ва; Европа, 2010. – 616 с.
67. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеевой, Ю. Новиковой. М.: АСТ, 2003. – 603 с.
68. *Хедлунд С.* Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / Пер. с англ. Н.В. Автономовой; Под науч. ред. В.С. Автономова. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2015. – 424 с.
69. *Цирель С.В.* «Власть–собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 119–131.
70. *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры [Shlapentokh V. Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era.] / Пер. с англ. Ю. Гольдберга. М.: Столица-Принт, 2008. – 328 с.
71. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. – 671 с.
72. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства [Engels F. The Origin of the Family, Private Property and the State.] // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Том 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 123–178.
73. *Яковлев А.А.* Агенты модернизации. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. – 426 с.
74. *Burawoy M.* Transition Without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // East European Politics and Societies. 2001. Vol. 15. No. 2. P. 269–290.
75. *Drahokoupil J.* After transition: Varieties of political-economic development in Eastern Europe and the former Soviet Union [Review article] // Comparative European Politics. Vol. 7. No. 2. 2009. P. 279–298.
76. *Hedlund S.* Russia's "Market" Economy. A bad case of predatory capitalism. London: UCL Press Limited, 1999. – 390 p.
77. *Marshall T.P.* Russian Moment in World History. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. – 116 p.
78. *Teckenberg W.* The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? // International Journal of Sociology. 1981–1982. Vol. 11. No. 4. P. 1–163.

Дата поступления: 27.01.2015.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)**2015. Vol. 21. No. 4. P. 80–119.** DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3032**O.I. SHKARATAN**National Research University – Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

Shkaratan Ovey Irmovich – Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor of Sociology, Honored Scientist of Russian Federation, Tenured Professor of National Research University – Higher School of Economics, Head of Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development. **Address:** Shabolovka st., 26-4, of. 42346, 119049, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7(495) 772-95-90. **Email:** ovsey@hse.ru

SOCIAL SYSTEM, FACING TO THE PAST (PART 2)

Abstract. Social system of modern Russia is regarded as a continuation of soviet socioeconomic order which historical roots have deepened in the centuries-old past of the country – representative of Eurasian Orthodox civilization. Different stages of its development are explored since XIII century to current day. Eventually it is shown the collapse of communist system in Russia has implied a transition of Eurasian civilization to the new stage of its evolution which is Neo-Etacratic socio-economic order and classic authoritarianism.

By 1917 the European line in development of Russia hadn't yet won which conditioned by the fact that that private property hadn't become tradition for most Russians. Hereon recovery of estate system, conversion into estates by state, forming of peculiar service stratum had become possible. In other words path dependence theory brought into life, reproducing in XX–XXI centuries power-estate relations of, it would seem, dead and gone medieval Rus.

For centuries inside of highly stable etacratic order the estate hierarchy and authority had being recovered in modified way under conditional rights of everybody except for all-powerful sovereign (differently titled in each epoch – a Prince, a Tsar, a Emperor, a General Secretary, a President).

The nature of socioeconomic system formed in post-soviet Russia – Etacratism in new phase of its development i.e. – Neo-Etacratism. The role of state is still dominating, but it isn't the only one as it was in USSR because private-property market component matters. In Russia dualistic social stratification combining estate (dominating) and socio-professional hierarchies has formed.

Keywords: Etacratism, Neo-Etacratism, estate system, dualistic social stratification, power-estate relations, state mode of production, Eurasian civilization.

REFERENCES

1. Avtonomov V.S. Predislovie. *Sotsial'noe rynochnoe khozyaistvo. Teoriya i etika ekonomicheskogo poryadka v Rossii i Germanii.* [Preface. Social market economy. Theory and ethics of economic order in Russia and Germany.] Transl. from German; Ed. by V.S. Avtonomov. St Petersburg: Ekonomicheskaya shkola; SPbGUEiF; Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 1999. P. 5–6.
2. Andreev A.L. The Russian society as “other” Europe. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2013. No. 3. S 70–79. (In Russ.)

3. Anikin V.A., Tikhonova N.E. Framing Contemporary Russian Poverty in the Context of Different Nations. *Mir Rossii*. 2014. No. 4. P. 59–95. (In Russ.)
4. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?* [The history of Russia: The end or the new beginning?] 3rd ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)
5. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and sense of Russian communism.]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 224 p.
6. Berdyayev N.A. *Filosofiya neravenstva. Pis'ma k nedrugam sotsial'noi filosofii*. [Philosophy of inequality. The Letters to enemies of social philosophy.] Berlin: Obelisk Publ., 1923. 246 p.
7. Bessonova O.E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii. Evolyutsiya cherez transformatsii*. [Distributing economy of Russia. Evolution through transformation.] Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 144 p.
8. Byzov L.G. Parallel worlds? What is behind new value polarization of society? *Svobodnaya mysl'*. 2013. No. 4. P. 47–60. (In Russ.)
9. Byzov L.G. *Kontury novorusskoi transformatsii (Sotsiokul'turnye aspekty formirovaniya sovremennoi rossiiskoi natsii i evolyutsiya sotsial'no-politicheskoi sistemy)* [The outlines of new Russian transformation (The sociocultural aspects of modern Russian nation's forming and evolution of socio-political system).] Moscow: ROSSPEN Publ., 2013. 390 p.
10. Byzov L.G. The new conservative majority as socio-political phenomenon. *Mir Rossii*. 2014. No. 4. P. 6–34. (In Russ.)
11. Vasil'ev L.S. *History of The East. Vol. 1. (Introductory part. The essence of problems)*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1994. P. 13–48. (In Russ.)
12. Vasil'ev L.S. *The evolution of society. The types of society and their transformation*. Moscow: Universitet Publ., 2011. 206 p. (In Russ.)
13. Voslenskii M. Feodal'nyi sotsializm. Mesto nomenklatury v istorii [Feudal socialism. The place of nomenclatura in history.]. *Novyi mir*. 1991. No. 9 (797). P. 184–201.
14. Gavrov S.N. Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii. [Modernization for the sake of Empire. The sociocultural aspects of modernization in Russia.] Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 352 p.
15. Gontmakher E., Maleva T. The Social problems of Russia and alternative ways of its decisions. *Voprosy ekonomiki*. 2008. No. 2. P. 61–72. (In Russ.)
16. Gontmakher E.Sh. Russian social inequality as factor of sociopolitical stability. *Voprosy ekonomiki*. 2013. No. 4. P. 68–81. (In Russ.)
17. Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii. Epokhi i tsivilizatsii*. [The rhythms of Eurasia. Epochs and civilizations.] Moscow: Ekopros Publ., 1993. 576 p.
18. *20 let reform glazami rossiiyan. Analiticheskii doklad* [20 years of reforms through eyes of Russians. Analytical report.]. M.K. Gorshkova, R. Krumma, V.V. Petukhova (eds.). Moscow: Ves' mir Publ., 2011. 328 p. (In Russ.)
19. Dubin B. West for internal consumption. *Kosmopolis*. 2003. No. 1. P. 137–153. (In Russ.)
20. Efimchuk I.V. Pyramid of power-property: Future of planetary economy? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2004. No. 2. P. 131–142. (In Russ.)
21. Ionin L.G. *Apdeit konservativizma*. [Update of conservatism.]. Moscow: HSE Publishing House, 2010. 304 p. (In Russ.)
22. Kara-Murza S. *Evropotsentrizm – edipov kompleks intelligentsii*. [Eurocentrism – Oedipus complex of intelligentsia.] Moscow: Eksmo, Algoritm-Kn. Publ., 2002. 256 p. (In Russ.)
23. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. [In Russ.: Kastel's M. *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Ed. by O.I. Shkaratana. Moscow: GU-VShE, 2000. 608 p.]
24. Castells M., Kiseleva E. Russia and network society. *Mir Rossii*. 2000. No. 1. P. 23–51. (In Russ.)
25. Kolodko G.V. *Ot shoka k terapii. Politicheskaya ekonomiya postsotsialisticheskikh preobrazovaniy*. [From shock to therapy. Political economy of post-socialist transformation.] Moscow: ZAO "Zhurnal Ekspert" Publ., 2000. 392 p. (In Russ.)

26. Konchalovskiy A. *An interview Hard day's night. 3 July, 2013* [online]. Accessed 27.10.2015. URL: <<http://www.konchalovsky.ru/press/interviews/hard-days-night/>>. (In Russ.)
27. Konchalovskiy A.: *If new national idea doesn't not appear in Russia, someday the Chinese will conquer us or Europeans will subdue us, 13 October 2013* [online]. Accessed 27.10.2015. URL: <<http://sobesednik.ru/incident/20131013-andrei-konchalovskii>>. (In Russ.)
28. Konchalovskiy A. Where are we going?. *AdMe.ru* [online]. Accessed 20.01.2014. URL: <<http://www.adme.ru/vdohnovenie-919705/kuda-my-katimsya-609455/>>. (In Russ.)
29. Konchalovskiy A. In which God is Russian man believing. *Rossiiskaya gazeta*. April 10, 2013. (In Russ.)
30. Kordonskii S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoi Rossii*. [The estate structure of post-Soviet Russia.] Moscow: Institut fonda "Obshchestvennoe mnenie" Publ., 2008. 216 p.
31. Krasil'shchikov V.A. Modernizatsiya: Zarubezhnyi opyt i uroki dlya Rossii. *Modernizatsiya Rossii: usloviya, predposylki, shansy. Vyp. 1. Strategicheskie problemy modernizatsii*. [Modernization: The foreign experience and lessons for Russia. Modernization of Russia: Conditions, preconditions, chances. Ed. 1. Strategic problems of modernization.] Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva Publ., 2009. P. 83–160.
32. Krichevskiy N. The economy we are getting. *Novaya gazeta*, November 18, 2013. (In Russ.)
33. Latov Yu.V., Latova N.V. The Russian economic mentality in the world context. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. No. 4. P. 31–43. (In Russ.)
34. Latov Yu.V., Latova N.V. The openings and paradoxes of ethnometric analysis of Russian economic culture on the base of Hofstede's methodology. *Mir Rossii*. 2007. No. 4. P. 43–72. (In Russ.)
35. Lotman Yu. *Trudy po znakovym sistemam*. [The Works on sign systems.] Vyp. 15. Tartu: Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, 1982. P. 110–122. (In Russ.)
36. Lein D. The reformation of state capitalism in Russia: From "chaotic" economy to cooperative capitalism, coordinated by state? *Mir Rossii*. 2000. No. 1. P. 3–22. (In Russ.)
37. Lein D. Eurasian Integration as a Response to Neo-Liberal Globalisation. *Mir Rossii*. 2015. No. 2. P. 6–27. (In Russ.)
38. Mezhuiev V.M. The tradition of autocracy in the modern Russia. *Svobodnaya mysl'*. 2000. No. 4. P. 94–102. (In Russ.)
39. Nureev R.M. *Ekonomicheskii stroi dokapitalisticheskikh formatsii*. [Economic order of the precapitalist formations.] Dushanbe: DONISH Publ., 1989. 244 p.
40. Nureev R.M. *Rossiya: osobennosti institutsional'nogo razvitiya*. [Russia: Peculiarities of institutional development.] Moscow: NORMA Publ., 2009. 448 p.
41. Nureev R.M., Runov A.B. Russia: Is deprivation unavoidable. *Voprosy ekonomiki*. 2002. No. 6. P. 10–31. (In Russ.)
42. Nureev R.M. The social subjects of post-soviet Russia: History and contemporaneity. *Mir Rossii*. 2001. No. 3. P. 3–66. (In Russ.)
43. Nureev R.M., Latov Yu.V. *Rossiya i Evropa: effekt kolei (opyt institutsional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiya)*. [Russia and Europe: The path-dependence effect (the experience of institutional analysis of economic development's history.) Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta Publ., 2010. 531 p. (In Russ.)
44. Pantin V.I. The political and civilizational self-identification of modern Russian society in the conditions of globalization. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2008. No. 3. P. 29–39. (In Russ.)
45. Pastukhov V.B. Post-communism as logical phase of Eurasian civilization's development. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1992. No. 5–6. P. 59–75. (In Russ.)
46. Pastukhov V.B. *Tri vremeni Rossii: obshchestvo i gosudarstvo v proshlom – nastoyashchem – budushchem*. [3 Times of Russia: Society and state in the past-present-future] Moscow: POLIS – ROSSPEN Publ., 1994. 160 p. (In Russ.)
47. Pivovarov Yu.S. Nicolay Danilevskiy: In Russian culture and world science. *Mir Rossii*. 1992. No. 1. P. 163–216. (In Russ.)

48. Pliskevich N.M. *Mutatsii "vlasti-sobstvennosti": problemy i perspektivy*. [The mutations of "power-property": Problems and perspectives.] Moscow: IE RAN Publ., 2007. 54 p. (In Russ.)
49. Pliskevich N.M. The transformation of system-property in Russia: Regional aspect. The reforms and quality of state. *Mir Rossii*. 2015. No. 1. P. 8–34. (In Russ.)
50. *Evraziiskii mir. Tsennosti, konstanty, samoorganizatsiya* [Eurasian world. Values, constants, self-organization.]. Ed. by Yu.V. Popkov. Novosibirsk: Nonparel' Publ., 2010. 449 p. (In Russ.)
51. *Press-vypusk «Osobyi rossiiskii put'». 07.04.2014* [Press-edition "Specific Russian way"]. Site of Levada Center [online]. Accessed 25.10.2015. URL: <<http://www.levada.ru/2014/04/07/osobyj-rossijskij-put/>>.
52. *Protodiakon Andrei Kuraev: Polemika s Konchalovskim v «Rossiiskoi gazete», 17 maya 2013 g.* [Protodeacon Andrey Kuraev: A Polemic with Konchalovskiy in "Russian newspaper", May 17, 2013.]. *Pravoslavie i mir* [online]. Accessed 05.11.2015. URL: <<http://www.pravmir.ru/protodiakon-andrej-kuraev-polemika-s-konchalovskim-v-rossijskoj-gazete/>>.
53. Radaev V.V., Dobryakova M.S. *Ekonomicheskaya sotsiologiya. Avtoportrety*. [Economic sociology. Self-portraits.] Moscow: HSE Publishing House, 2006. 487 p.
54. Rubtsov A.V. Three ages of Russia. *Novaya gazeta*, December 13, 2013. (In Russ.)
55. *Russkii uzel evraziystva. Vostok v russkoi mysli. Sbornik trudov evraziistsev*. [The Russian knot of Eurasianism. The East in Russian thought. Collection of works by Eurasians.] Intr. by P. Klyuchnikov. Moscow: Belovod'e Publ., 1997. 525 p.
56. Semenov Yu.I. *Filosofiya istorii. Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei*. [The philosophy of history. General theory, main problems, ideas and conceptions from anxiety till our days.] Moscow: Sovremennyye tetrad Publ., 2003. 776 p.
57. Smirnov K. Who will change Medvedev? Angry of the day. *Moskovskii komsomolets*. November 24, 2014. (In Russ.)
58. Solzhenitsyn A.I. *Kak nam obustroit' Rossiyu. Posil'nye soobrazheniya. 1990* [How to build Russia. The feasible thoughts. 1990.] [online]. Accessed 27.10.2015. URL: <http://www.solzhenitsyn.ru/modules/myarticles/print_storyid_313.html>.
59. Solov'ev S.M. *Publichnyye lektsii o Petre Velikom. Sochineniya. V 18 kn. Kniga IX. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Tom XVII–XVIII* [Public lectures about Peter the Great. Compositions. In 18 books. Book IX. History of Russia from ancient times. Vol. XVII–XVIII.]. I.D. Koval'chenko, S.S. Dmitriev (eds.). Moscow: Mysl' Publ., 1996. P. 603–613. (In Russ.)
60. *Sotsial'naya politika: dolgosrochnye tendentsii i izmeneniya poslednikh let. XVI Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, 7–10 aprelya 2015 g. Kratkaya versiya doklada* [Social Politics: Long-run tendencies and changes of last years. XVI April International Academic Conference on Economic and Social development, 7–10th April 2015. Short version of report.]. Ya.I. Kuz'minov, L.N. Ovcharova, L.I. Yakobson (eds.). Moscow: HSE Publishing House, 2015. 51 p. (In Russ.)
61. Toinbi A.Dzh. *Tsivilizatsiya pered sudom istorii. Sbornik* [Toynbee A.J. Civilization on Trial.]. [Per. s angl.]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress" – "Kul'tura"; St Petersburg: Yuventa Publ., 1995. 480 p. (In Russ.)
62. Toynbee A.J. *A Study of History 1934–1961*. In Russ.: Toinbi A.Dzh. *Postizhenie istorii*. A.P. Ogurtsov, V.I. Ukolovoi, E.B. Rashkovskogo (eds.). Moscow: Progress Publ., 1991. 736 p. (In Russ.)

63. Trubetskoi N.S. *Nasledie Chingiskhana. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka*. [The Heritage of Genghis Khan. The view at Russian history not from West, but from East.] Moscow: EKSMO Publ., 2012. 336 p.
64. White S. Looking Backwards, Looking Forwards: Communist Nostalgia and its Consequences in Russia, Belarus and Ukraine. *Mir Rossii*. 2007. No. 2. P. 25–47. (In Russ.)
65. Fedotova V.G. *Modernizatsiya «drugoi» Evropy*. [Modernization of “other” Europe.] Moscow: IF RAN Publ., 1997. 255 p.
66. Khanna P. The second World. In Russ.: Khanna P. *Vtoroi mir*. Moscow: Svobodnaya mysl' Publ.; Tsentri issled. postindustr. ob-va Publ.; Evropa Publ., 2010. 616 p. (In Russ.)
67. Huntington S. The Clash of Civilizations. In Russ.: Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Transl. by T. Velimeevoi, Yu. Novikovoi. Moscow: AST Publ., 2003. 603 p. (In Russ.)
68. Hedlund S. *Invisible hands, Russian experience, and Social science. Approaches to Understanding Systemic Failure*. In Russ.: Khedlund S. *Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby ob'yasneniya sistemnogo provala*. N.V. Avtonomova, V.S. Avtonomova (eds.). Moscow: HSE Publishing House, 2015. 424 p. (In Russ.)
69. Cyrel S.V. “Power-property” in the works by Russian historians and economists. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2006. No. 3. P. 119–131. (In Russ.)
70. Shlapentokh V. Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. In Russ.: Shlyapentokh V. *Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo. Novyi rakurs postsovetskoi ery*. Transl. by Yu. Gol'dberga. Moscow: Stolitsa-Print Publ., 2008. 328 p. (In Russ.)
71. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. In Russ.: Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Vol. 1. Geshtal't i deistvitel'nost'*. Moscow: Mysl' Publ., 1993. 671 p. (In Russ.)
72. Engels F. The Origin of the Family, Private Property and the State. Marx K. and Engels F. *Collected Works. 2nd ed. Vol. 21*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961. P. 123–178. (In Russ.)
73. Yakovlev A.A. *Agenty modernizatsii*. [Agents of Modernization.] Moscow: HSE Publishing House, 2006. 426 p.
74. Burawoy M. Transition Without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism. *East European Politics and Societies*. 2001. Vol. 15. No. 2. P. 269–290.
75. Drahokoupil J. After transition: Varieties of political-economic development in Eastern Europe and the former Soviet Union [Review article]. *Comparative European Politics*. Vol. 7. No. 2. 2009. P. 279–298.
76. Hedlund S. *Russia's “Market” Economy. A bad case of predatory capitalism*. L.: UCL Press Limited, 1999. 390 p.
77. Marshall T.P. *Russian Moment in World History*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 116 p.
78. Teckenberg W. The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? *International Journal of Sociology*. 1981–1982. Vol. 11. No. 4. P. 1–163.

Received: 27.01.2015.